

ТРИНАДЦАТЬ ВОПРОСОВ К ДОКЛАДУ «НОРМАЛЬНАЯ РОССИЯ БУДУЩЕГО»

Анализ подготовленного Ф.Крашенинниковым и В.Миловым доклада «Нормальная Россия будущего. Да, мы можем. Общие черты будущей свободной России» с прицелом на рассмотрение конкретных аспектов реализации ряда предлагаемых реформ и их возможных последствий

Борис Бондарев

Общие замечания	2
I. О правительстве	4
II. Об участии граждан в политике	6
III. О выдаче военных преступников	8
IV. Об участниках «специальной военной операции»	9
V. О парламентаризме	10
VI. Об этнокультурной политике	12
VII. О деолигархизации	14
VIII. О возвращении оккупированных территорий	15
IX. Об отказе от имперской политики	20
X. О демилитаризации вооруженных сил	21
XI. Об отношениях с Китаем	23
XII. О постсоветском пространстве	25
XIII. О НАТО и обеспечении безопасности	26
Заключение	29

Доклад «[Нормальная Россия будущего. Да, мы можем. Общие черты будущей свободной России](#)», подготовленный Федором Крашенинниковым и Владимиром Миловым и опубликованный Free Russia Foundation представляет собой, как пишут авторы, попытку «*инициативно суммировать многие идеи... по поводу таких основ будущей российской государственности, как парламентаризм, федерализм, независимые суды или сильное местное самоуправление*». Такие во многом программные документы крайне востребованы сегодня, когда перед российскими продемократическими силами стоит задача выработать общее непротиворечивое видение России после ухода Владимира Путина и его режима с исторической сцены. Доклад может стать хорошей основой для выработки этого видения и основанной на нем программы действий.

В докладе изложены основные идеи по демократическому строительству в России после ухода путинского режима. Авторы справедливо указывают, что в российском обществе нет никаких «органических» противопоказаний к демократии. Напротив, российское общество более модернизировано, чем властная элита, и в значительной степени готово к демократизации.

Новое государственное устройство предлагается создавать по образцу современной Германии, которая перешла от нацистского тоталитаризма к либеральной парламентской демократии. России тоже предстоит такой путь, и здесь вряд ли можно серьезно спорить с авторами, разве что о деталях такого перехода.

Судебная реформа, построенная на принципе независимости судов, реформа муниципальных и региональных законодательных институтов, которые должны будут дать мощный импульс обновлению всего государства, также не вызывают в принципе серьезных возражений. Сюда же естественным образом ложится и федерализация России, которая должна опираться в первую очередь на мощный пласт непосредственного волеизъявления граждан в первую очередь в рамках муниципальных и региональных выборов.

Авторы даже предлагают подумать о новом названии и символике демократической России, что также может стать темой для интересной дискуссии, хотя, конечно, и не основополагающей.

В целом авторы видят будущую Россию как парламентскую республику с четким разделением властей (временами даже создается впечатление, что исполнительная власть должна быть подчинена законодательной). Федерализм предлагается строить с учетом свободы самоопределения всех «этнокультурных сообществ» вплоть до свободы выхода из состава России.

Настойчиво проводится тезис о необходимости демилитаризации и «денацификации» общественных настроений в стране, что можно только приветствовать. К сожалению, авторы не дают четких предложений по механизмам такой демилитаризации.

Наконец, в сфере внешней политики авторы декларируют полный отказ от «имперской» политики Путина, позиционирование России как тесного партнера и союзника Европейского союза и НАТО в противовес Китаю и другим недемократическим режимам.

Все эти реформы требуют радикальных мер по изменению существующего государственного строя России, ее государственного аппарата, органов власти и в целом самих принципов работы государственной системы. Речь идет, как видно из текста, о полной перекройке существующего на себя конституционного строя с перераспределением полномочий между различными органами и уровнями власти.

Доклад дает картину довольно гармоничного видения, основанного на популярных в оппозиционной среде тезисах об отказе от всех путинских черт государственного устройства. К сожалению, такой порой некритический настрой приводит к непродуманным, а то и просто опасным предложениям. Рассмотрению этих спорных моментов и посвящена основная часть данного текста.

Текст выражает личное мнение автора.

I. О правительстве

Авторы пишут, что реформы должно проводить «правительство народного доверия» или «временное правительство». Возникает вопрос о правовом статусе такого правительства: на каком правовом основании оно будет функционировать и проводить указанные реформы? Если это Конституция 1993 года, то согласно ей у правительства нет полномочий для перекройки существующего конституционного устройства. Основная власть сосредоточена в руках президента. Имеется ли в виду, что президент должен будет каким-то образом уполномочить новое правительство на кардинальные реформы? Понятно, что разработать четкую последовательность действий на данный момент вряд ли возможно, но было бы полезно сказать об этом несколько слов.

Предлагается ли «остаться в правовом поле», существующем на сегодня (или момент политических изменений)? Или сразу проводить конституционную реформу?

Или же речь идет о некоей революционной диктатуре, органе над- или внеконституционном, чрезвычайной магистратуре, говоря реалиями Древнего Рима? Такое прочтение напрашивается, поскольку авторы призывают *«действовать ... быстро и решительно, уничтожая не просто старые органы власти, но и сам фундамент, на котором они стояли, и сами принципы, по которым работали механизмы власти в путинской России. Надо изменить правила игры максимально быстро и радикально, чтоб дезориентировать и лишить всех привилегий сформировавшийся при Путине управленческий слой и не дать старым элитам перехватить инициативу или просто навязать себя в качестве незаменимых знатоков хозяйственной и политической жизни России»*.

Призыв к быстрым и решительным действиям можно только поддержать. Какой орган будет этим заниматься? Как он будет сформирован? Каковы будут его полномочия? Как будет определяться ответственность этого органа перед населением?

Если в этот процесс будет вовлечен парламент или Конституционное собрание согласно статье 135 Конституции 1993 года, то высока вероятность,

что все предложения увязнут в долгих дебатах и бесплодных обсуждениях. Никакой оперативности добиться не получится. Не говоря уже о том, что результаты первых свободных и честных выборов могут оказаться далеко не столь «продемократическими», как ожидают авторы, и тогда речи о проведении предлагаемых ими реформ не будет от слова «совсем».

Логично прийти к мысли о необходимости революционной диктатуры – разумеется, временной. Такая власть может железной рукой сокрушить сопротивление и провести или даже навязать обществу свои взгляды и реформы. Однако исторический опыт показывает, что диктатуры крайне редко уходят со сцены после выполнения своей миссии. На ум приходит, пожалуй, лишь Луций Корнелий Сулла, который пришел к власти, провел все необходимые, по его мнению, реформы и сложил свои полномочия. Тем и запомнился как уникальная личность в истории.

Обычно со временем возникают все новые и новые обстоятельства, препятствующие прекращению диктатуры, например, «классовая борьба все усиливается по мере построения социализма» (с), появляются все новые враги и т.д. Учитывая российские традиции, особенно чиновничество и пресмыкательство госаппарата – а ведь именно на нынешний госаппарат придется полагаться новой власти, особенно поначалу, поскольку другого нет – любая диктатура очень быстро убедит себя в своей незаменимости, во врагах, которые спят и видят, как бы повернуть Россию вспять к путинизму, и все такое прочее. Мы рискуем от одной диктатуры на полном ходу вляпаться в другую.

Именно поэтому важно, хотя бы в принципиальном плане, указать, как именно и кем перечисленные в докладе реформы могут и должны будут проводиться. У меня, например, нет ясного понимания этого момента, поэтому идеи на этот счет, пусть и в общем виде, были бы очень полезны.

II. Об участии граждан в политике

Авторы справедливо указывают, что *«необходимо широкое, массовое и постоянное участие граждан в работе институтов демократии. Недопустимо относиться к демократии как к самонастраивающемуся механизму, где достаточно выбрать «правильного» президента – и можно дальше заниматься своими делами, а жизнь наладится сама. Так не бывает: жестокий опыт 1990-х и 2000-х учит нас, что граждане обязаны повседневно участвовать в демократическом управлении страной, в том числе на региональном и местном уровнях».*

Да, такой подход к демократии является, по сути дела, единственной настоящей гарантией против узурпации власти. Однако авторы, много внимания посвящая муниципальным и региональным вопросам, в том числе выборам в соответствующие представительные органы, обходят стороной такой важнейший формат прямого участия граждан в решении государственных вопросов как референдум. Упоминаются референдумы лишь два раза в связке с решениями о перекройке границ субъектов федерации.

На самом деле именно референдумы, проводящиеся по любым вопросам на всех уровнях власти – муниципальном, региональном, федеральном, – являются той самой школой демократии и дают гражданам ощущение причастности к решению стоящих перед страной вопросов. Референдум учит людей отвечать за свои решения. Какие бы замечательные депутаты ни выбрались в парламенты на любых уровнях, их решения остаются их решениями, пусть и от имени избирателей. Избиратель всегда может сказать «я голосовал за Пупкина, а Пупкин голосовал за плохой закон, какие ко мне претензии?». С референдумом такое не прокатит.

Разумеется, решения референдумов должны быть обязательными для того уровня власти, на котором референдум проводится. Здесь стоит присмотреться к опыту Швейцарии. В частности, только граждане имеют право инициировать референдумы, что ограничивает возможности исполнительной власти, да и парламентов, манипулировать общественным

мнением, прикрываясь результатами нужного им референдума или плебисцита.

Говоря об участии граждан в политике, имеет смысл обсудить реформу самого понятия «гражданства», чтобы вернуть его к истинному смыслу – «активный член общества». Сегодня гражданство часто воспринимается как право получать услуги от государства, которое начинает пониматься как некая общенациональная сервисная компания, функционирующая вовне гражданского коллектива. Такое понимание приводит к отчуждению людей от политики и восприятию государства как стороннего или даже враждебного института. Если такое восприятие еще можно объяснить текущим положением дел в России, его вряд ли стоит брать с собой в будущее. С таким восприятием не получится обеспечить высокую гражданскую активность и вытекающую из нее сопричастность граждан. Государство – общественный институт, формируемый гражданами из граждан для обеспечения более справедливого распределения благ в обществе, чего «невидимая рука рынка» пока обеспечить не в состоянии. Соответственно гражданство должно восприниматься не только как право на те или иные услуги, но и как обязательство вносить свой вклад в общее дело (*res publica*) – это и уплата налогов, и служба в вооруженных силах и госаппарате (возможно, имеет смысл подумать над тем, чтобы каждый гражданин мог какое-то время поработать чиновником для лучшего понимания), и – самое главное – ответственное отношение к политике – выборам, отбору кандидатов, отслеживанию выполнения избранными политиками их предвыборных программ и обещаний и т.д.

В этом плане также было бы полезно обсудить возможность увязывания избирательного права с уплатой налогов. Например, стоит ли ограничивать избирательное право тем гражданам, кто постоянно проживает за рубежом и не уплачивает налоги в российский бюджет? Должны ли такие люди иметь право участвовать в решении вопросов страны, в жизни которой они не участвуют?

III. О выдаче военных преступников

Понятно стремление авторов продемонстрировать понимание и сочувствие Украине, ставшей жертвой жестокого и бессмысленного нападения России в 2022 году. Вряд ли можно всерьез оспаривать необходимость нормализации, насколько возможно, отношений с Киевом и выплаты компенсаций за причиненный ущерб.

Однако, на мой взгляд, авторы слишком оптимистично смотрят на ряд аспектов такой нормализации. Хотелось бы более подробно рассмотреть момент, связанный с тем, что, по мнению авторов, *«мы обязаны выдать для осуществления правосудия всех военных преступников, причастных к агрессии против Украины»*.

Безусловно, лица, виновные в совершении военных преступлений или преступлений против человечности в ходе войны в Украине должны понести всю полноту ответственности. Здесь нет места для дискуссии.

Однако, когда я читаю «мы должны выдать», я спрашиваю – на основании какой нормы закона предполагается осуществить выдачу граждан России другому государству? На сегодня согласно той же Конституции такая выдача однозначно запрещается (статья 61 «Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству»). Предлагается ли отменить эту норму и тем самым сделать возможным выдачу любых российских граждан любым другим странам?

Каков механизм такой выдачи в отношении лиц, обвиняемых в военных преступлениях? Например, гражданин России X обвиняется украинской стороной в военном преступлении. Прокуратура Украины возбуждает против X уголовное дело. Что авторы предлагают делать в такой ситуации? Выдать гражданина России Украине на основании подозрения или обвинения? Или дело должно быть возбуждено в России, X должен быть привлечен к суду и в случае доказанности его вины он получает приговор в России или передается для отбывания наказания в Украину?

Может показаться, что это частные вопросы, однако нельзя утверждать безапелляционно «мы выдадим военных преступников», не представляя себе, как это все будет производиться. Пока очевидно, что эта идея идет вразрез как с текущим законодательством, так и с обязательствам любого демократического и правового государства защищать своих граждан. Если новая Россия начнет выдавать своих граждан другим странам по одному лишь подозрению, о какой защите прав и свобод можно будет говорить? Тем более я далек от мысли, что украинское правосудие будет очень щепетильно относиться к защите прав тех, кого оно считает виновными в военных преступлениях.

Таким образом, этот вопрос вопреки кажущейся лозунговой простоте далеко не столь однозначен. Решить его, однако, можно гораздо проще – проводить расследование всех военных преступлений российских граждан в России силами российских правоохранительных структур, возможно, в сотрудничестве с украинскими, судить и выносить приговоры в России по российскому законодательству, и отбывать наказание осужденные тоже должны будут в России.

Это продемонстрирует, что россияне могут разобраться со своими преступниками самостоятельно, а не станут вновь перекладывать всю ответственность на других.

IV. Об участниках «специальной военной операции»

Авторы пишут, что «должна быть широкая кампания по установлению исторической правды за пределами розыска и выдачи военных преступников: необходимо установление всего круга людей и инструментов, сделавших бесчеловечную агрессивную диктатуру возможной, с наказанием виновных и опубликованием всех деталей захвата власти и понуждения общества к агрессии, для предотвращения повторения чего бы то ни было подобного в будущем».

Безусловно, вдохновители, идеологи и организаторы агрессивной войны, виновные в военных преступлениях и преступлениях против

человечности, должны быть наказаны. Здесь вряд ли можно найти повод для спора. Вопрос в другом.

Каков круг этих людей? Кто входит в него? Каково должно быть отношение к солдатам и офицерам российских вооруженных сил, участвовавших в «специальной военной операции», в отношении которых нет данных о причастности к совершению военных преступлений? Предполагается ли сохранить за ними статус «ветерана СВО» и причитающиеся выплаты и льготы? Сохранятся ли полученные ими награды и повышения? Или это все должно быть пересмотрено?

Можно снова сказать, что это, мол, сугубо «технические» вопросы, но это не так. Это важнейшие вопросы национального примирения российского общества, члены которого «благодаря» в том числе и постоянному оболваниванию пропагандой находятся сейчас на противоположных концах политического спектра, исповедуя полярно противоположные мнения. Авторы пишут о необходимости «деидеологизации» и «детоксикации» российского общественного сознания. Безусловно, это важнейшая задача. Но было бы полезно хотя бы примерно очертить основные моменты такой политики и дать понимание, что имеется в виду.

V. О парламентаризме

Авторы резонно замечают, что парламентаризм при всех своих плюсах не может рассматриваться как панацея. Тем не менее именно парламентскую республику они предлагают как оптимальный вариант построения демократии в России. Более того, они постулируют, что *«отрицание единоначалия во всех структурах, кроме силовых (и то с очень четкими и прозрачно прописанными в законах оговорками), должно стать принципом формирования государства. Исполнительная власть везде и всегда должна быть коллегиальной и ответственной перед законодательной – и никак иначе»*.

Возникает вопрос – что значит «отрицание единоначалия»? Предлагается вернуться к петровским временам и заменить все министерства

и ведомства коллегиями? Сложно найти сегодня пример такого государственного устройства, где исполнительные органы функционировали бы на коллегиальной основе. Возможно, авторы имели в виду другое, но это никак в тексте не конкретизируется.

Со своей стороны не считаю, что единоначалие в ведомствах, возглавляемых министрами или директорами служб и так далее, является смертным антидемократическим грехом. В Германии, на которую предлагают ориентироваться авторы, все федеральные ведомства, насколько мне известно, возглавляются и руководятся единолично федеральными министрами.

При этом возглавлять всю административную систему, по мысли авторов, должен вполне себе единоличный федеральный премьер-министр. Вот тут, на мой взгляд, кроется опасность.

Во-первых, российская политика и сегодня остается крайне персонифицированной. Люди выбирают в основном не идеи и программы, а конкретных людей, которые им понравились. Никого не удивляет, что, когда политический лидер меняет свои взгляды, порой существенно, его сторонники никак на это не реагируют. Все это следствие глубоко укорененных в российском обществе традиций вождизма.

Побороть это можно было бы, в том числе, деперсонификацией политики. Можно было бы прибегнуть к опыту Швейцарии и вместо премьер-министра учредить некий Федеральный совет, в который входили бы федеральные министры. Каждый член совета обладает равным статусом и полномочиями, решения принимаются консенсусом или большинством. В порядке ротации каждый член совета выполняет функции председателя на протяжении определенного недолгого периода. Пост председателя связан в основном с исполнением церемониальных и представительских функций и не дает никаких дополнительных полномочий. Такая структура не дает бюрократии определить «главного», а в отсутствие «главного» становится сложнее подстроить пирамиду власти под конкретную персоналию.

Кроме того, опыт Германии показывает, что некоторые федеральные канцлеры имеют привычку занимать свой пост десятилетиями: Конрад

Аденауэр занимал пост 14 лет (1949-1963), Гельмут Коль – 16 лет (1982-1998), Ангела Меркель – тоже 16 лет (2005-2021). В условиях России это чревато узурпацией власти со всеми вытекающими последствиями.

В связи с этим было бы полезно подумать над законодательным ограничением занимать любые выборные должности. Например, пост премьер-министра ограничить максимум двумя сроками, федерального министра или члена федерального совета – тоже двумя сроками. Похожие ограничения имело бы смысл ввести и для парламентариев. Это дало бы шанс большему числу людей заняться политической деятельностью и регулярно обновляло бы политический класс, в то же время препятствуя появлению «профессиональных депутатов» и прочих политиканов.

VI. Об этнокультурной политике

Авторы предлагают новый подход к этнокультурной политике – создание неких институализированных и прописанных в Конституции этнокультурных сообществ, которые будут заниматься вопросами национального языка, культуры и прочего. Для представительства таких сообществ предлагается сформировать дополнительную палату парламента.

Национальная тема в России была и остается очень сложной и взрывоопасной. В любой переходный период национальный вопрос легко переходит в плоскость национализма и популизма. Представить, что какие-то региональные национальные элиты захотят воспользоваться националистическими лозунгами для отвлечения внимания общества от реальных проблем, совсем не сложно. Мы проходили это в 80-х – 90-х годах.

Довольно наивно звучат мысли, что «даже если все этнические меньшинства отделятся от нашей страны, это не приведет к ее распаду; никакого запроса на отделение со стороны регионов, населенных преимущественно русскими, нет».

Напомню, что до 24 февраля 2022 года никакого массового запроса на войну с Украиной в российском обществе не наблюдалось. Это не помешало эту войну начать. С учетом политической инертности русского населения и

вполне вероятной политической мобилизации под националистическими лозунгами «титульной нации», пусть даже находящейся в меньшинстве, рост нетерпимости и агрессии к «оккупантам», сиречь русским, более чем вероятен, и девиз «Чемодан-вокзал-Россия» мы еще вполне можем услышать из тех регионов, где есть большая доля русского населения и даже большинство. Например, в «этнокультурной» Бурятии русские составляют около 60% населения, но это может не остановить местных националистов.

В связи с этим полагаю, что любое заигрывание с национальным или этническим, равно как религиозным и иными такого рода факторами является крайне опасным как для сохранения государства, так и для успеха демократических реформ. Демократия должна строиться вокруг концепции гражданственности и прав человека и гражданина. Этничность, национальность и прочее должны оставаться предметом личной жизни каждого гражданина. Граждане вправе создавать политические движения и партии для решения вопросов, связанных с их языковой и культурной спецификой. Нужно ли для этого создавать отдельную палату парламента? Ценность этого далеко не очевидна.

Более того, закрепление «этнокультурных сообществ» как политических акторов в законодательстве еще больше усилит националистические настроения. Как пишут авторы, 85% населения России составляют русские. Значит ли это, что в новой палате парламента у русского этнокультурного сообщества будет 85% голосов? Тогда оно всегда будет в большинстве, что явно будет раздражать другие этносы. Или же авторы предлагают создать этническую палату только для нерусских? Тогда это означает дискриминацию по национальному признаку подавляющего большинства населения. Спрашивается, зачем уподобляться вьетнамским пионерам и создавать самим себе проблемы, чтобы потом героически их преодолевать?

Землячества, диаспоры, этнокультурные сообщества приводят к размыванию индивидуальной ответственности гражданина – а это ключевое качество, необходимое для устойчивого функционирования демократических институтов.

Далее авторы предлагают самоопределиться тем этническим меньшинствам, которые этого хотят, и даже отделиться, если они этого хотят. Мы видим здесь возведение в абсолют принципа самоопределения народов, что логично вытекает из принципа примата прав и свобод человека над любыми другими интересами. Однако как именно авторы предполагают такие процедуры? Что, например, предполагается делать с теми жителями «самоопределяющихся регионов», кто не захочет жить в отдельном государстве? Кто, как и за чей счет будет переселять этих российских граждан в Россию? Было бы очень полезно дать понимание работы таких механизмов.

VII. О деолигархизации

В докладе постулируется, что «демонополизация экономики поможет стране избавиться от олигархии. Сегодняшняя неприличная концентрация богатства в руках узкого круга лиц – во многом следствие монопольной структуры российской экономики... Причина олигархизации России – высокая степень монополизации экономики, низкая конкуренция и фаворитизм чиновников. Вся эта порочная система будет разрушена, Россия будет открыта для конкуренции, а связка между чиновниками и бизнесом законодательно запрещена; здесь будет создан непробиваемый файервол».

Звучит весьма грозно. Однако здесь опущена одна важная деталь – олигархизация российской экономики возникла из приватизации 90-х годов, когда огромные активы попали в руки «кого надо». Огромная доля всех активов в стране сосредоточена в руках мизерного процента населения. Именно такая крайне нелегитимная с точки зрения большинства граждан диспропорция и служит основанием для авторитарного режима, который должен охранять эту собственность от недовольных таким дележом простых граждан. Как предполагается поступать с уже имеющимися олигархами? В докладе об этом, к сожалению, не говорится.

Если посмотреть на предвыборную программу Алексея Навального 2018 года, которая упоминается в докладе и которую авторы, судя по всему, во многом разделяют, то там идет речь о некоем компенсационном налоге, уплатив который олигархи тем самым очистятся от любых претензий, их

прошлое будет прощено и забыто. Идея заслуживает внимания, но возникает вопрос – это предложение не предполагает изменения диспропорциональной структуры распределения собственности в стране. Заплатив компенсационный налог, олигархи сохраняют свои активы, а это значит, что экономика останется также олигархизирована. Авторам доклада следовало бы артикулировать свою позицию по этому вопросу.

Со своей стороны считаю, что итоги несправедливой приватизации 90-х годов в части крупных активов должны быть пересмотрены, и собственность у олигархов – бенефициаров путинского режима и поддерживавших войну в Украине должна быть изъята без каких-либо компенсаций. Возможный механизм такой экспроприации и последующей реприватизации под парламентским и общественным контролем на основе поэтапной программы реприватизации описан, например, Михаилом Ходорковским в его книге «Как убить дракона? Пособие для начинающих революционеров». В любом случае сохранение олигархической структуры экономики будет являться одним из основных препятствий на пути демократических преобразований. Эта проблема должна быть решена одной из первых.

VIII. О возвращении оккупированных территорий

Захват Крыма Россией является грубым нарушением международного права, а именно принципа территориальной целостности, и проведенный в марте 2014 года референдум о присоединении к России нельзя считать легитимным. Очевидно, что Украина сохраняет права на полуостров как на часть своей территории, отторгнутой без ее согласия, то есть в полном противоречии с зафиксированным в статье 2 Устава ООН обязательством государств не посягать на чужую территорию.

Самым простым и очевидным решением этого вопроса является, в глазах многих оппозиционно настроенных россиян, возврат всех захваченных Путиным земель их законным владельцам. Авторы доклада так и заявляют: *«России будет необходимо... полностью признать суверенитет наших стран-соседей в международно-признанных границах 1991 года, вернуть все*

оккупированные территории (включая Крым, Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, территории Юга и Востока Украины)».

Безусловно, отказ признавать суверенитет других стран лежит в основе внешней политики путинской России. Этот подход должен быть радикально пересмотрен. Однако в части «вернуть оккупированные территории» не все так легко и просто, как, возможно, представляется авторам.

Начать надо с того, что термин «оккупированные территории» может корректно применяться только к Крыму и захваченным территориям Донбасса. В случае Закавказья или Приднестровья мы имеем дело с размещением российских военных баз. Сам факт наличия военных баз в других странах еще не говорит об оккупации. Оккупирована ли Армения, где размещается российская 102-я военная база в Гюмри? Оккупирован ли Бахрейн – база Пятого флота США? Ну а тезис об «оккупации США всех стран НАТО, где размещены американские базы» и подавно является одним из излюбленных заклинаний российской пропаганды и доморощенных конспирологов. Оккупация, помимо прочего, предполагает замену местной системы управления на оккупационную. Это мы видим, в частности, на подконтрольных России территориях Украины.

Сам термин «оккупация» в отношении Абхазии и Южной Осетии используется только во внутреннем законодательстве Грузии и резолюциях ПАСЕ. Ни ООН, ни ОБСЕ – профильные организации в области поддержания безопасности и решения конфликтов – такую терминологию не используют.

Почему это существенный момент? Признав оккупацию чего-либо, мы рискуем открыть ящик Пандоры и пригласить множество других желающих получить компенсации, репарации, контрибуции и прочие выплаты за давние и забытые обиды. Например, вполне вероятно, что Япония с новой силой и опираясь на созданный прецедент потребует признать Курилы также «оккупированными» и на этом основании «вернуть». Кстати, какова позиция авторов по курильскому вопросу? Это тоже «оккупированная» территория? А Калининград?

Поэтому вести речь о «возврате оккупированных территорий» применительно к Абхазии, Южной Осетии и Приднестровью некорректно – разговор может идти о выводе российских войск и военных баз.

Очевидно, что Крыму и Донбассу «сепаратизм» был навязан извне, серьезных объективных предпосылок для отделения этих регионов от Украины не было. А вот абхазы, осетины и жители Приднестровья проявили стремление к независимости (или сепаратизм – в зависимости от точки зрения) еще в начале 90-х годов. Они сами воевали за это и проливали свою кровь. Их попытки самоопределения стали результатом сложившейся в то время непростой ситуации в межнациональных отношениях на пространстве бывшего СССР.

Главное, что смущает в подходе авторов – сам по себе тезис «России необходимо вернуть все оккупированные территории» буквально говорит о том, что тем же абхазам или осетинам отказывается в праве на самоопределение. Их мнение в расчет никто, судя по всему, принимать не собирается, и их судьбу предлагается решить без них. Звучит это, надо признаться, вполне по-путински.

При этом российским этническим меньшинствам такое право предлагается безусловно гарантировать: *«тем, кто захочет отделиться, гарантируем мирный развод на уровне высших стандартов последних десятилетий (например, мирного развода Чехии и Словакии в 1993 году)»*.

Налицо определенная двойственность подходов. Если мы за самоопределение, то за самоопределение для всех, чтобы никто не ушел обиженным. Иначе выходит, что на уровне принципов одним российским гражданам предлагается свободно самоопределяться «вплоть до отделения», говоря ленинскими словами, а другим российским гражданам – не стоит забывать, что только в одной Абхазии доля владельцев российских паспортов превышает 80% – это не позволено.

При том, что практика раздачи российских паспортов в непризнанных республиках с 2002 года – уже более 20 лет – является такой же непродуманной и стратегически неправильной политикой, как и многие другие внешнеполитические решения путинского правительства, реальность

на сегодня именно такова: значительная часть населения этих «оккупированных территорий», если не подавляющее большинство, являются нашими согражданами. Как с этим предлагается поступать? Предполагается ли «вернуть» сами территории, а российских граждан, там проживающих и не желающих или опасющихся последствий «возвращения», приютить в России?

Что делать с выданными российскими паспортами? Их предлагается аннулировать? Например, большое число крымчан работает по всей России, и далеко не все сохранили украинские паспорта. Что ж, их предлагается одним росчерком пера превратить в лиц без гражданства? «Мы вас не присоединяли, идите жалуйтесь Путину»?

Логика «пусть эти российские граждане забирают манатки и возвращаются к себе в Россию» тут едва ли применима – подавляющее большинство населения этих регионов родилось там и выросло. Они уже у себя дома.

Кроме того, Абхазия и Южная Осетия признаны Россией в качестве независимых государств в 2008 году. Таким образом, новая демократическая Россия должна будет отозвать это признание. В мировой практике таких случаев, прямо скажем, немного. Очевидно, что пересмотр всей внешнеполитической (и не только) нормативной базы после Путина вряд ли возможен, однако новой власти трудно будет избежать критики из-за выборочного отказа от тех или иных внешнеполитических обязательств.

Стремление отказаться от порочной путинской политики двойных стандартов и пренебрежения базовыми принципами международного права все же не должно, думается, приводить к фактическому подтверждению этой самой путинской политики, только другими словами – в любом случае используется один и тот же отправной пункт «нам виднее, что вам на самом деле нужно».

Все это свидетельствует не только о том, что принципы международного права остаются предметом манипуляций и толкований в зависимости от политических потребностей момента, но и о том, сколько запутанных проблем создал Путин за время своего правления и какие колоссальные Авгиевы

конюшни во внутренней и внешней политике придется разгребать последующим правительствам. Сделать вид, что ничего не было, отказаться от тяжелого наследия путинского режима и начать «с чистого листа» («это все устроил Путин, а мы ни при чем и никаких обязательств не несем») не получится – России нужна ответственная политика, а не повторение путинского авантюризма и безответственности.

Решение вопросов с Абхазией, Южной Осетией, Приднестровьем, да и Крымом потребует кропотливого подхода и ответственного поведения всех заинтересованных сторон. Кавалерийским наскоком решить здесь ничего не выйдет. Разве что только по образцу «возвращения» Нагорного Карабаха и «исчезновения» оттуда армянского населения.

Поэтому оптимальный подход может быть следующим: Россия заявляет о намерении и готовности урегулировать все спорные вопросы в духе доброй воли. Россия примет любое соглашение об урегулировании между Грузией, Абхазией и Южной Осетией, Молдавией и Приднестровьем, которое устроит все стороны, и незамедлительно выведет свои войска и базы. При этом наш подход должен быть ориентирован на обеспечение защиты и безопасности российских граждан, проживающих в этих регионах, а также на соблюдение ранее данных Россией обязательств и, если необходимо, юридически оправданный отказ от таких обязательств. В любом случае решение этих вопросов потребует непростых переговоров, размахивание шашкой со словами «долой наследие путинского режима» ничему не поможет, а скорее только усугубит ситуацию.

Что касается Крыма, то его возврат Украине еще более сложен, чем это кажется неискушенному зрителю. Если Украине удастся установить свой контроль над полуостровом в ходе военных действий, вопрос принадлежности Крыма снимается с повестки дня. Но если к началу переговоров об урегулировании Крым останется под российским контролем, то его решение потребует немало умения и новых взглядов на проблему.

Исходить следует из того, что во главе угла политики новой России в отношении Крыма должны лежать не интересы Украины или других государств, а интересы российских граждан, проживающих в Крыму.

Отказаться от них будет означать открытое пренебрежение принципами прав человека, появлением российских граждан «второго сорта», что для демократического государства неприемлемо.

Оптимальным вариантом видится передача Крыма под внешнее управление, например Совета ООН по опеке или специальной миротворческой операции ООН, на 5-7 лет, после которых провести референдум под эгидой ООН, по итогам которого и решить принадлежность полуострова.

В любом случае все подобного рода вопросы следует решать, и здесь с авторами доклада нельзя не согласиться, *«открытым демократическим путем, с соблюдением демократических правил, принципов светскости и представительной демократии, под международным наблюдением».*

IX. Об отказе от имперской политики

Авторы пишут, что *«окончательный отказ от любого намека на имперские амбиции и стремления влиять на другие страны должен стать краеугольным камнем будущей российской политики».*

Во-первых, что является «имперской политикой»? Нигде в тексте не дается определения «имперству», хотя сам термин используется неоднократно. Такая расплывчатость может использоваться для различного толкования, чего следовало бы избегать.

Во-вторых, под формулировку «стремление влиять на другие страны» можно, при желании, подогнать любую внешнеполитическую дипломатическую деятельность. Защита своих интересов, убеждение партнеров в нужности заключения тех или иных соглашений, использование для этого разнообразных политических инструментов – все это вполне законные способы внешней политики, которые могут быть теперь квалифицированы как «стремление влиять». Если авторы имели в виду (скорее всего) «стремление влиять с помощью силы или угрозы силой», то это должно быть именно так и сформулировано. В ином случае получается просто отказ от любой внешней политики как таковой.

Х. О демилитаризации вооруженных сил

Честно говоря, звучит это как «сухопутный флот» или «подводная авиация». Любая армия – это в принципе милитаризованный институт. Если авторы имеют в виду бундесвер, что логично, поскольку весь доклад вдохновлен германским государственным устройством, то вряд ли России, с учетом вполне реальных военных угроз (в отличие от Германии), нужна армия, в которой граждане будут просто зарабатывать деньги, а при появлении реальной перспективы военных действий массово увольняться со словами «я шел в армию не для того, чтобы воевать». Такая картина наблюдалась в Германии в 2022 году после начала войны в Украине.

Армия — это отдельный сложный вопрос, который нельзя решать, отмахиваясь словами «компактные силы самообороны». Что значит «компактные»? Сколько человек должно служить в таких силах? Как они будут комплектоваться? Какова должна быть военная доктрина? Такие вещи стоило бы затронуть хотя бы по касательной.

Для понимания этого нужно провести всеобъемлющий обзор актуальных и потенциальных угроз стране. Первое, что приходит на ум – Китай. Авторитарная система там ужесточается, несменяемое руководство стареет – все это повышает вероятность неадекватных решений. Например, вместо «возвращения Тайваня», чреватого конфронтацией с США, в Пекине могут решить, что заменой этому можно было бы посчитать «маленькую победоносную специальную военную операцию» по возвращению в «родную гавань» Владивостока или Хабаровска. Такой сценарий не является чем-то фантастическим, особенно в свете военной слабости России, продемонстрированной в ходе войны в Украине.

Исламский фундаментализм как следствие нерешенных проблем мусульманских обществ Азии вполне способен вновь взорвать Среднюю Азию, что может угрожать как наплывом беженцев, так и прямым военным вторжением исламистов, организованных по типу ИГИЛ. Разгорающийся конфликт на Ближнем Востоке может дать старт такому развитию событий.

Нельзя исключать и попыток Турции усилить свое влияние в регионах России с мусульманским и тюркским населением, что может вылиться в национально-религиозные конфликты.

Формирование вооруженных сил должно происходить в соответствии с анализом всех этих угроз и пониманием, каким образом их можно нейтрализовать.

Контрактная профессиональная армия, которая сегодня считается чуть ли не панацеей от всех проблем, на самом деле является вызовом основам демократического устройства. Она способствует перекладыванию ответственности за внешнюю политику с граждан на «специально обученных людей». Если какой-то политик призывает к войне «за правое дело» (разумеется), то гражданам гораздо проще согласиться с этим, когда они понимают, что в любом случае воевать будет кто-то другой, а они смогут наблюдать за победами с уютного дивана. Другое отношение неминуемо возникнет, если граждане будут осознавать, что любая военная авантюра может непосредственно сказаться на них, так как именно они могут быть призваны в ряды вооруженных сил. Исторический опыт подсказывает, что профессиональные армии способствуют диктатурам и безответственной внешней политике. Вряд ли американцам удаюсь бы так легко убедить общество в необходимости вторжения в Ирак в 2003 году или Афганистан в 2001, если бы у них сохранялась призывная армия.

Поэтому резонно считать, что в вопросах реформы армии и ее комплектования следовало бы ориентироваться скорее на опыт Израиля или Швейцарии, чем на опыт США или Германии. Аргументы в стиле «призывная армия – это призывное рабство» не принимаются, так как при демократическом устройстве и прозрачности военным будет гораздо сложнее заниматься неуставной и преступной деятельностью, чем сейчас в путинской России.

В целом вопросы военного строительства требуют не столько лозунгов, сколько экспертного подхода. Таких специалистов в рядах российской оппозиции, насколько можно судить, пока нет.

XI. Об отношениях с Китаем

Авторы пишут, что *«в отношении Китая и других недемократических режимов, ставших союзниками Путина в последние годы, политика должна быть следующей. Мы должны четко сформулировать: мы ничего не имеем против народов этих стран, которые, как и мы сегодня, против своей воли оказались под гнетом диктатур, которые они не выбирали. Мы знаем, что народы Китая, Ирана и других диктаторских стран на самом деле хотят свободы. Мы всячески сочувствуем их стремлению к свободе, демократии, нормальным отношениям со внешним миром без блокад и санкций. Мы поддерживаем эти стремления. Вместе с тем, недемократические режимы несут угрозу миру, цивилизации и другим народам – от Украины до Израиля и от Тайваня до Южной Кореи. Общие усилия свободного мира по демократизации диктаторских обществ смогут принести планете стабильность и избавление от угроз и конфликтов. Россия должна внести в свои основополагающие законодательные акты положения о запрете любого субсидирования и поддержки недемократических режимов».*

С самого начала такой подход ставит Россию в позицию если не открытого противника Китая, то как минимум недружественного государства. При всем согласии с мнением авторов, что коммунистический Китай России не друг и не союзник, хотелось бы предостеречь от резких телодвижений в этой области.

Один из главных вызовов в области формулирования внешней политики – это поиск баланса между ценностями и прагматизмом. Велик соблазн провозгласить борьбу за права и свободы высшей целью, разорвать или резко снизить уровень отношений со странами, не соответствующими высоким критериям, – но потом не стоит удивляться, когда окажется, что вы окружены недружественными соседями.

Внешняя политика новой России будет, нравится это или нет, многофакторной и многовекторной. Она потребует профессионализма, взвешенных решений и умения балансировать между интересами других государств. Резкий поворот в сторону одного из соперничающих лагерей и односторонний политический курс чреват утратой свободы маневра, что

может быть критически важно в постпутинском урегулировании. В связи с этим сохранение рабочих отношений с Пекином представляется необходимым. Китай может быть источником не только угрозы, но и технологий – не столь продвинутых, как у США или Японии, но куда более развитых, чем у нас – и инвестиций. Кроме того, аккуратный выход из вассальных отношений, в которые полным ходом ведёт страну Путин, не должен спровоцировать Китай на резкие и непродуманные шаги, в том числе военные, на которые России будет сложно адекватно ответить.

В качестве противовеса Китаю следует использовать не только отношения с западными странами, предлагая себя в роли условного «северного фланга НАТО», но и развивать отношения с Индией – естественным конкурентом Китая в Азии, и другими азиатскими странами. Этого можно будет добиться, сохраняя определенную независимость и дистанцию от тех же США и ЕС. Тем самым Россия будет снова восприниматься глобальным Югом как самостоятельный игрок. Россия же как явный сателлит Запада утратит многие уникальные возможности в развитии отношений с глобальным Югом, но возьмет на себя негативный шлейф, от которого страны Запада пока так и не могут избавиться. Вряд ли стоит к этому стремиться.

Это работает и в другую сторону – Китай можно использовать как противовес Западу в переговорах об урегулировании ситуации в Украине и последующих контактах по нормализации отношений. Балансирование между Западом и Востоком даст России уникальные возможности на деле позиционировать себя в качестве моста между цивилизациями.

В любом случае представляется контрпродуктивным резко примыкать к странам Запада и формировать свою внешнюю политику в русле подходов и стратегий Вашингтона и Брюсселя, стараясь как можно быстрее стать «своими». Очевидно, что Россия культурно и духовно часть западной цивилизации, но это не означает отсутствия собственных внешнеполитических интересов, и нет ничего постыдного в том, что где-то они могут не совпадать с интересами других стран.

XII. О постсоветском пространстве

Авторы предлагают *«принять меры по роспуску всевозможных громоздких бюрократических и военных организаций (ЕврАзЭС, ОДКБ, «союзное государство» с режимом Лукашенко, даже СНГ), которые по факту были призваны сохранять доминирование над странами-соседями».*

Для начала замечание по языку. Дипломатически корректно было бы сказать «принять меры по выходу из организаций». Выход – это мероприятие одностороннее, которое можно ни с кем не согласовывать. Но «распускать международные организации» в одностороннем порядке — мало того, что невозможно, так еще и невежливо. Интересовались ли авторы мнением других членов перечисленных ими организаций, хотят ли они их распустить? Или авторы снова сами решили за Казахстан, Узбекистан, Армению и других? Нет ли тут того самого «имперства», с которым авторы предлагают неукоснительно бороться?

По существу же предложение распустить что-то, что нам не нравится, напоминает стенания многих о необходимости роспуска ООН, потому что она не может справиться с войной в Украине или очередным обострением ближневосточного кризиса. Если что-то работает не так, как вам хочется, давайте это все упраздним. Взгляд очень варварский и неверный.

Во-первых, страны СНГ – наши соседи, и нормализация отношений с ними будет одним из приоритетов российской внешней политики. Для этого необходимо использовать все имеющиеся инструменты. СНГ, Таможенный союз, ЕАЭС (не ЕврАзЭС, которого, обращаю внимание авторов, не существует с 2014 года), и другие вполне могут быть нацелены на мирные задачи – развитие и координацию сотрудничества в сфере торговли, экономики, культуры, науки, народной дипломатии и т.п. Необходимо провести переоценку потенциала таких структур и использовать их там, где есть смысл и может быть польза. Любой такой формат – это площадка для встреч и контактов, обсуждения различных вопросов и поиска компромиссов. Стоит ли от них отказываться из-за чисто даже не идеологических, а скорее вкусовых соображений? Ломать – не строить, это всегда успеется. А вот создать новые

многосторонние форматы, которые еще были бы эффективными – это очень непростая задача, поэтому имеет смысл использовать то, что уже есть.

XIII. О НАТО и обеспечении безопасности от внешних угроз

Авторы исходят из следующего: *«Сотрудничество с НАТО по вопросам совместного обеспечения глобальной безопасности – единственный вариант обезопасить Россию от потенциальной угрозы с Востока. Путин фактически превратил нашу страну в глубоко зависимого вассала коммунистической партии Китая; еще недолгое время такой политики, и Китай станет до такой степени контролировать нашу внутреннюю и внешнюю политику, что военный захват России китайской армией станет просто не нужен. Учитывая колоссальную демографическую разницу, соревноваться с Китаем с точки зрения мобилизационных возможностей армии и способности поставить людей под ружье не приходится: мобилизационный потенциал китайской армии составляет 130-140 млн человек. Без помощи Запада и НАТО мы не защищены от потенциальных угроз с этой стороны».*

С принципиальной точки зрения тут вряд ли поспоришь – в прямом военном столкновении у Китая есть все шансы нанести российским вооруженным силам поражение. Не исключено, конечно, что китайская армия покажет себя на реальном поле боя так же, как российская показала себя в Украине, но заранее недооценивать противника было бы неосторожно.

Однако авторы серьезно преувеличивают степень возможной поддержки России со стороны стран НАТО против Китая. Скоро два года как мы наблюдаем за решимостью стран НАТО противостоять ядерной державе. Лидеры стран НАТО не боятся всячески демонстрировать свой страх перед любой эскалацией враждебности со стороны России, несмотря на то, что российская армия оказалась куда слабее, чем представлялось до того. Однако наличие ядерного оружия действует на НАТО очень отрезвляюще.

Так почему китайское ядерное оружие должно будет подействовать на НАТО каким-то иным способом?

Более того, сложно представить, что после тяжелой кровавой войны с Украиной и многочисленных угроз в адрес НАТО со стороны российских представителей американцы и европейцы так быстро поменяют свои подходы к России и дадут нам некие гарантии безопасности. В обмен на что? И главное – в чем эти гарантии могут состоять? Если это будет следующая итерация Будапештского меморандума, то вряд ли сегодня можно всерьез рассчитывать на сдерживающий эффект таких договоренностей.

Даже введение санкций против Китая выглядит мало осуществимым. Довольно серьезные санкции не остановили пока путинскую агрессию, почему нужно ожидать другого результата от Китая – страны с гораздо более мощной экономикой? Более того, санкции против Китая нанесут огромный ущерб западным экономикам, куда сильнее связанным с Китаем, чем с Россией. Так что тут один большой вопрос.

Не исключено, что некоторым стратегам в Вашингтоне возможная военная конфронтация между Китаем и Россией может показаться неплохой идеей. Это отвлечет часть сил Пекина от Тайваня и сделает эскалацию напряженности с США менее вероятной в ближайшей перспективе.

Так что всерьез рассчитывать на то, что «НАТО нам поможет», не приходится. Да, безусловно, в интересах России наладить хорошее взаимодействие с НАТО в области безопасности, но в обозримой перспективе обороноспособность нашей страны будет лежать исключительно на плечах самих россиян.

Для этого необходима не только военная реформа, но и соответствующая военная доктрина. В ней помимо отказа от решения политических вопросов военным путем необходимо недвусмысленно сформулировать, что при нападении на Россию мы оставляем за собой право использовать ядерное оружие первыми – как по вооруженным силам агрессора, так и по его территории, инфраструктуре и тылам. В условиях ослабленных и деморализованных вооруженных сил единственным серьезным сдерживающим фактором может служить только ядерное оружие и готовность его применить.

При этом, раз уж мы разбираем гипотетический демонтаж путинского режима, а значит постулируем его поражение с исторической точки зрения, то такое поражение приведет к пересмотру места и роли ядерного оружия в военных доктринах. Вполне вероятно, что осознание факта, что ядерное оружие само по себе не спасает диктаторские режимы от губительных ошибок, станет важным фактором снижения роли ядерного оружия. Это в свой черед станет хорошей почвой для возобновления практических усилий по ядерному разоружению. Россия могла бы выступить с конкретными инициативами и предложениями на этот счет, например, о необходимости создания многосторонней архитектуры контроля над вооружениями, о выработке аналога Договора о стратегических наступательных вооружениях, но не на двусторонней основе, а с участием как минимум официальных ядерных держав согласно Договору о нераспространении ядерного оружия, а в идеале – с привлечением всех ядерных государств. Такая политика будет позитивно воспринята большинством государств мира и поможет восстановить реноме России как государства, выступающего на деле за мир и разоружение.

Такую же позитивную роль можно было бы сыграть и на поле реформирования ООН, вопрос о котором уже перезрел. Если такая страна как Россия предложит конкретный план реформирования, он сможет рассчитывать на существенную поддержку. Разумеется, конкретные идеи по реформе ООН должны быть выработаны экспертами, но, как видится, в принципе речь может идти о переформатировании Совета Безопасности, упразднении статуса постоянных членов, обеспечении более равномерного финансирования Организации, чтобы избежать перекосов, когда одни только США оплачивают до 25% всего бюджета, и т.п. Все это опять же будет работать на новый положительный имидж нашей страны.

Заключение

Очевидно, авторы имели задачей в первую очередь сформулировать, **ЧТО** надлежит сделать для демократизации российского государства. Они прямо пишут, что *«бессмысленно пытаться спрогнозировать конкретные временные контуры будущего развития событий»*. Однако, как представляется, отсутствие описания хотя бы в самом общем виде механизмов реализации этих реформ оставляет впечатление незавершенности. Хотя бы общие наброски того, **КАК** все эти преобразования могут быть воплощены в жизнь, придали бы документу большую глубину.

Другим недостатком доклада видится **отсутствие** краткого изложения **принципов**, на основе которых предполагается **проведение реформ**. Понятно, что речь идет о демократизации, но какую демократию авторы считают оптимальной? Авторы указывают, что государственное устройство Германии является главным источником их вдохновения, но устройство государственной системы – это более узкая тема, чем основные принципы жизни общества в целом. Что, собственно, авторы хотят получить от предлагаемых реформ в итоге? Хотят ли авторы получить в итоге Россию по типу Германии – со всеми присущими этой стране достоинствами и недостатками? Или же должна оставаться некая специфика? Какой упор должен быть сделан в ходе реформ – на развитие конкурентной политической и экономической среды или на выполнении социальных обязательств? Простой и доходчивый ответ на этот вопрос важен, потому что именно его нужно в конечном счете представить россиянам в борьбе за их умы и голоса.

Например, только пару раз вскользь упомянута «светскость». Следовало бы четко высказаться в пользу этого принципа как одной из основ построения государства. Или же указать, что авторы считают возможным в каких-то случаях допустить использование религиозных норм, например шариата, если дело в этом.

Все вышесказанное не должно рассматриваться как опровержение тезисов доклада «Нормальная Россия» или попытка каким-то образом их оспорить. Хотелось бы поблагодарить Ф.Крашенинникова и В.Милова за хорошую работу. Как уже отмечалось, в принципе серьезных возражений

против предложенных идей вряд ли можно ожидать. Дьявол, однако же, как говорится, всегда в деталях, и я счел своим долгом подсветить те аспекты, которые представляются мне особенно важными и значимыми, в том числе с точки зрения возможных последствий.

Было бы наивно полагать, что два, пусть и очень образованных и компетентных обозревателя, смогут в равной мере глубоко и профессионально сформулировать всеобъемлющий план реформ. Такое дело под силу только большому коллективу экспертов. Собственно, сбор такого коллектива и постановка перед ним этой задачи должна стать одной из главных целей оппозиционной деятельности. В одиночку, вдвоем или втроем вряд ли получится выработать действительно убедительную для всех (или по крайней мере явного большинства) россиян картину будущего.

Надеюсь, что вопросы, затронутые в данной работе, будут способствовать дальнейшему плодотворному обсуждению идей и предложений «как нам обустроить Россию».